
Вячеслав Пестерев

**«РАЙОННАЯ» И «РЕГИОНАЛЬНАЯ»
МАТРИЦЫ В РЕГИОНАЛЬНЫХ
ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ**

Одним из базовых свойств геопространства является его сегментированность, рассеченность на ассоциации «различных по происхождению объектов и явлений, связанных через их территориальную общность, находящихся во взаимодействии и характеризующих определенные участки земной поверхности»¹. Именно это свойство дает нам формальную возможность осуществления территориально обособленных и, в то же время, внутренне самостоятельных научных исследований, предметом изучения которых выступают пространственно содержательные объекты, процессы, явления. Пространственная мозаичность любого общественного организма делает справедливым это положение и для многих социальных исследований, в том числе и для истории.

Вместе с тем, очевидно, что сегментированность социума в обосновании регионально-исторической концепции имеет не более чем потенциальное значение. Случаи объективной географической и/или социальной изолированности отдельных территорий, с хорошо идентифицируемой в связи с этим структурной целостностью и четко выраженными границами — достаточно редко встречающееся явление (за исключением, пожалуй, устойчивых этнокультурных и государственно-административных образований). В подавляющем большинстве случаев чрезвычайная сложность социальных процессов и структур, многообразие форм их пространственного проявления и средовой детерминации, взаимопереплетение в горизонтальных и иерархических связях создают целый ряд трудностей в идентификации пространственных сегментов и демаркации их границ. Тем не менее, затруднения эти, не имеющие на сегодняшний день сколько-нибудь удовлетворительного разрешения, не стали непреодолимым препятствием к росту числа исследований по региональной истории. Поскольку же универсальных методов идентификации социопространственных

¹ Джеймс П., Мартин Дж. Все возможные миры. История географических идей. — М., 1988. — С. 283.

образований создано не было, приходится констатировать, что ограничение региональных исторических исследований теми или иными территориальными рамками носит во многом произвольный или, во всяком случае, достаточно субъективный характер. Об этом свидетельствует ставшее уже традиционным игнорирование процедуры обоснования пространственных границ исследования и подмена ее устоявшимися территориальными обозначениями (обычно историко-культурного, административного или географического характера), как бы неявно предполагающими существование неких социотерриториальных целостностей, но отнюдь не всегда соотносящихся с пространственными характеристиками исследуемых объектов. Это весьма частое несоответствие между ареалом предмета исследования и декларируемыми границами, в пределах которых он изучается, ставит перед исследователем проблему нахождения качественной определенности исследуемых социотерриториальных объектов в формальном (территориальные рамки) и содержательном (внутренняя структура) отношениях. Представляется необходимым сформулировать некие предельно общие правила, обеспечивающие возможность методологически корректно определять пространственные пределы предмета исследования и, соответственно, его (исследования) территориальные рамки.

Особенно проблематичным для исторической регионалистики, впрочем, как и других дисциплин, связанных с социально-территориальной дифференциацией, представляется вычленение формальных критериев, по которым социопропространственные сегменты могут быть выделены. До сих пор такое выделение носило по преимуществу интуитивный характер. Однако, на наш взгляд, вполне возможно относительно строгое определение формальных понятийных конструктов, служащих одновременно и идеальным описанием различных типов социотерриториальных комплексов и критериями их идентификации. Исходя из наиболее общих соображений относительно природы целостных объектов, можно выделить по меньшей мере два таких конструкта, действительно способных объяснить интегральную целостность социопропространственных сегментов. Условно их можно подразделить на *однородно-интегральный* и *структурно-интегральный*. Если первый выделяет территориальную целостность по признаку ее многоаспектной однородности, генетически восходящей к механизму трансляции однородных признаков между различного рода природными и социальными образованиями, то второй основан на выявлении макроструктур, которые бы все (или почти все) вышеозначенные образования интегрально связывали.

Однако определение формальных матриц для выделения различных типов пространственных образований можно выводить не только из абстрактно-теоретических построений, но и путем обобщения и классификации всего эмпирического многообразия социопространственных сегментов. Большое разнообразие и разнокачественность проблем и целей, преследуемых разными исследователями, привели к возникновению достаточно обширной номенклатуры терминологических определений, обозначающих тот или иной класс таксономических (т. е. определенным образом квалифицированных) единиц территориального деления. Вместе с тем, смысловое наполнение многих из этих определений (например: район, регион, ландшафт, территориальный комплекс) зачастую не только не имеет общепринятых нормативов употребления, но и сколько-нибудь осмысленной корреляционной структуры не образует. Исключение составляют относительно элементарные таксоны: *территория* (ограниченный участок геопространства) — *ареал* (территория распространения какого-либо пространственного признака) — *зона* (территория с определенной интенсивностью проявления данного пространственного признака). Попытка «достраивания» этой структуры более сложными концептами, такими как *район* и *регион*, рассыпается массой авторских трактовок. Причем, как правило, за основу берется лишь один из указанных таксонов, либо постулируется их синонимичность и взаимозаменяемость.

Как представляется, одной из основных проблем современного социально-географического знания является как раз неосуществленность возможности конвенционально решить проблему соотношения используемой в науке классификации геопространственных сегментов (таксонов). По нашему мнению, необходимо инициировать новую процедуру конвенционализации, которая бы, в частности, позволила развести термины «район» и «регион» и поставить их в осмысленные корреляционные отношения.

В выходе из этой ситуации нам может помочь не всегда прослеживаемая, но все же существующая и неявно проявляющая себя связь между этимологией термина и его семантикой. В этом отношении представляется интересным опыт семантического анализа исторически возникших и утвердившихся (вне зависимости от смысловых разночтений) терминологических определений, обозначающих тот или иной тип таксонов, предпринятый К. И. Зубковым. Из его предположения о том, что

²Зубков К.И. Концепт региона в геополитическом измерении // Уральский исторический вестник. — 1996. — № 3. — С. 16.

семантические ядра этих понятий «отражают в большей степени не чисто конвенциональную процедуру приписывания значений, но действительную сущность обозначаемых территориальных объектов»², нами выводится возможность более строгого терминологического определения концептов «район» и «регион».

Наиболее устоявшийся в отечественной науке концепт района (в западной науке, прежде всего англоязычной, термин «район» употребляется редко и в большинстве случаев синонимичен более распространенному концепту «регион»), этимологически восходящий к французскому *rayon* — «луч, радиус, спица (колеса)», семантически может быть отнесен к функционально-субординационным отношениям «центр-периферия»³. Это позволяет отождествить концепт района с той формальной матрицей для выделения территориальных сегментов, которая была обозначена нами как структурно-интегральная. Структура, или «неизменно сохраняющая себя... устойчивая форма территориальной организации, точнее говоря, самоорганизации», функционально проявляется в существовании каналов постоянного обмена веществом, энергией и информацией между центром (центрами) и периферией, что и придает занимаемой этой структурой территории системную целостность⁴. К такому пониманию термина *район* примыкают и концептуально близкие идеи западной социальной географии — теория «центральных мест» В. Кристаллера и его школы⁵ и концепт «узлового района» Д. Уиттлси⁶.

Концептуальное содержание термина «район» дает возможность определить (хотя и весьма приближенно) некоторые пространственные характеристики обозначаемой этим определением территории, в частности, ее иерархическую структуру, возможные размеры и особенности конфигурации.

Поскольку эффективность функционально-организующих структур находится в прямой зависимости от скорости обратных связей между центром и периферией, районные структуры большой размерности — макрорайоны — с необходимостью должны члениться на более дробные единицы — мезорайоны и микрорайоны. По тем же причинам районы нижних уровней иерархии имеют достаточно очевидные пределы своего терри-

³ Там же.

⁴ Там же. — С. 16–17; *Хаггет П.* Пространственный анализ в экономической географии. — М., 1968. — С. 33; *Уиттлси Д.* Региональная концепция и региональный метод // Американская география. Современное состояние и перспективы. — М., 1957. — С. 55.

⁵ *Джеймс П., Мартин Дж.* Указ. соч. — С. 581–582.

⁶ Там же. С. 524; *Уиттлси Д.* Указ. соч. — С. 51–55.

ториального охвата. Естественно, специфика некоторых районных структур, а также исторически меняющийся уровень развития инфраструктуры могут изменять предельные значения размеров района в ту или иную сторону⁷. Что же касается пространственной конфигурации районов, то ожидаемые — кругообразные (или, вернее, гексагональные) — территории тяготения периферии к центру⁸ практически не встречаются из-за искажающего воздействия множества факторов, как то: исторических обстоятельств формирования района, этнокультурных традиций населения, экономической конъюнктуры, географических особенностей «вмещающего ландшафта».

Простейшим видом районирования является выделение географических районов. Историческую регионалистику они интересуют лишь постольку, поскольку географические макроструктуры (речные и горные долины, оазисы, зоны распространения тех или иных ресурсов и т.п.) зачастую играют роль своего рода очагов структуризации социальных систем. Однако возникали и не столь явно детерминированные географическими факторами социопропространственные структуры. Это, прежде всего, районы экономические и административные. Причем, административное деление, определявшееся в большей степени волевым решением власти, чем реальным соотношением пространственных структур, было в значительной мере подвержено влиянию конъюнктурных факторов, и прежде всего — экономики.

В этой связи возникает проблема соотнесения пространственных пределов районов, получивших то или иное административно-территориальное или экономико-территориальное оформление, и районов, эмпирически удостоверяющих свою качественную определенность, но в очень слабой степени подвергнутых институционализации. Довольно частое несовпадение их границ приводит к необходимости выбора между ними как геопропространственными «подкладками» регионального исследования. На наш взгляд, «растаскиванием» района можно пренебречь в исследованиях, где экономические и/или административные структуры не рассматриваются совсем, либо их рассмотрение носит акциденциальный, второстепенный характер. Во всех иных случаях сведение в рамках одного исследования фрагментов разных пространственных структур (в данном случае —

⁷Зубков К.И. Указ. соч. — С. 16-17.

⁸Кооп К. География населенных пунктов // Американская география... — С. 138; Уиттлси Д. Указ. соч. — С. 55; Джонстон Р. Дж. География и географы. Очерки развития англо-американской социальной географии после 1945 года. — М., 1987. — С. 136.

экономико-административных) лишь на основании их сосуществования на территории в остальном единого района можно считать методологически некорректным. Такое сведение может быть оправдано лишь в исследовании, носящем отчетливо компаративный характер.

Одним из наиболее серьезных затруднений, с которым историк сталкивается в процессе районирования, является определение границ районных структур. Стандартное определение, согласно которому границы района «проецируются там, где воздействие центра, или ядра, на окружающую территорию практически исчерпывает себя или перекрывается по интенсивности воздействием какого-либо иного центра»⁹, отнюдь не устраняет это затруднение. Попытка четкой локализации пределов района подобным способом была бы сопряжена с масштабной работой по многофакторному пространственному анализу, в результативности которой можно было бы заранее сомневаться. Это во многом объясняет тот факт, что абсолютное большинство региональных исторических исследований территориально ограничены рамками административных районов. Однако, большинство культурно-хозяйственных и многие социальные процессы и явления, тематически составляющие основной массив исследований по региональной истории, практически не соотносятся с административно-территориальными границами (хотя вполне правомерен вопрос об определенной корреляции между административными образованиями и формированием в их пределах самобытных пространственных структур, в том числе культурно-хозяйственных и социальных, при проведении дифференцированной региональной политики).

Районирование, используемое как прием для идентификации социотерриториальных целостностей путем выявления пространственных структур, не может в полной мере быть использовано для идентификации и описания геопространственных сегментов, единство которых основывается на их многоаспектной однородности. В этом случае, на наш взгляд, необходимо использовать процедуру регионализации.

Расплывчатость исходной семантической основы понятия «регион» — во многом причина того, что концепт этот «до сих пор остается в ряду наименее ясных и осмысленных»¹⁰. В самом первом приближении он предстает как некая интегрально-цело-

⁹Зубков К. И. Указ. соч. — С. 16; см. также: Уиттлси Д. Указ. соч. — С. 52–55.

¹⁰Зубков К.И. Указ. соч. — С. 12.

¹¹Там же. — С. 14.

стная территория, обретающая свое единство по ряду аспектов. Однако неудачные попытки получить такую целостность путем простого наложения пространственных структур ареального типа привели к необходимости семантически более четкого определения понятия «регион». Очевидно, что «основную сложность представляет нахождение комплексного критерия, согласно которому регион вычленяется на фоне других территориальных различий»¹¹.

Для уяснения точного значения этого термина необходимо поставить его в качестве коррелята по отношению к уже рассмотренному нами термину «район». Бытующая в отечественной науке синонимичность терминов «район» и «регион» не может быть признана удачной, поскольку семантический объем этих терминов в полной мере не совпадает (в английском языке их синонимизация более обоснована, т.к. семантически они совпадают практически в полном объеме). В частности, можно указать на их различный таксономический масштаб: к нижнему, локальному уровню районного членения неприменимо понятие «регион», также как и к субконтинентальному и континентальному уровню региона не применимо понятие «район». Лишь нижний региональный уровень и высший районный могут совпадать по своим масштабам. Причем масштаб этот обычен для региональной истории, что и привело, в конечном счете, к синонимизации рассматриваемых понятий. Однако констатация разности семантических объемов этих терминов с необходимостью приводит к смысловому, концептуальному «разводу» понятий «район» и «регион». Представляется, что связующая регион структура должна обладать иным, отличным от районного, принципом организации, а регионализация должна применяться там, где структурные образования районного типа слабо выражены, либо их выделение несущественно с точки зрения целей и задач исследования.

Если концепт «района» больше соотносится со структурой и векторами взаимодействий или потоков, то «регион» отсылает нас к содержимому, обладающему интегральной однородностью. В какой-то степени расставленные акценты в понимании формальной сущности этих таксонов подтверждаются и уже упоминаемой нами разницей в масштабах их применения. Уменьшение масштаба рассмотрения неизбежно усиливает неоднородности, сознание пытается вычленить структуры. Это мы и наблюдаем в случае с районом, стремящемся к локусу. В случае региона и, соответственно, увеличения масштаба рас-

¹¹ Там же. — С. 14.

смотрения, напротив, происходит все большая генерализация, выявление однородностей или макроструктур, придающих ему однородность.

Как формирование районной структуры, так и процесс регионообразования, как представляется, во многом зависят от особенностей вмещающей среды и степени детерминации ею тех или иных сторон социальной системы. Однако если в районировании средовые особенности оказывают на формирующуюся структуру преимущественно внешнее, чисто пространственное воздействие (через определенную локализацию центра и конфигурацию периферии), то в регионообразовании это воздействие зачастую определяет сущностную, качественную специфику возникающего социотерриториального комплекса. Процессы средовой адаптации населения инициируют возникновение своеобразных цепочек детерминант (например, природно-географическая однородность — единообразие хозяйственной деятельности и культурных традиций — общность социального состава населения — административно-территориальное оформление), придающих региону искомую интегральную целостность. Тем не менее, проблема сколько-нибудь точного определения границ социотерриториальных образований, столь характерная для районирования, остается актуальной и в процессе идентификации регионов. Многие социальные процессы и явления либо не входят в цепочки детерминант, либо территориально с их звеньями полностью не совпадают. Таким образом, выделение географического региона не всегда является достаточным основанием для ограничения его рамками конкретного исторического исследования. Во всяком случае, такое ограничение должно быть обосновано.

Активную роль в актуализации и усилении регионообразующих признаков, помимо географического фактора, играют и факторы субъективно-исторические. По мнению К. И. Зубкова, исходная семантическая основа термина «регион» могла относиться к такому его пониманию, при котором границы региона — «это тот пространственный рубеж, преодолевая который стандартные способы деятельности и стратегии развития становятся неэффективными и нуждаются в соответствующих видоизменениях»¹². В этом случае детерминационные цепочки инициируются не географической, а информационно-поведенческой однородностью.

Следует отметить, что процедура выявления однородно-интегральных факторов в регионообразовании в каждом конк-

¹² Там же. — С. 23.

ретном случае будет актом единичным и не применима без корректировки для идентификации других регионов. В этом — существенное различие концептов «район» и «регион». Региональные структуры менее формальны и в значительно большей степени подвержены влиянию специфики предмета исследования и установок самого исследователя. Это становится более очевидным при изменении масштабов рассмотрения этих структур. Так, например, район, являясь элементом иерархической структуры и находясь на более низкой ступени иерархии, ни содержательно, ни терминологически не поглощается районом более высокого иерархического уровня. В региональной же структуре каждый новый уровень иерархии (если здесь вообще можно говорить о каких-либо вертикальных отношениях) — это новый уровень генерализации, новый акт классификации геопространства, вследствие чего регион, находящийся на более низкой иерархической ступени, теряет свой региональный статус и приобретает черты ареала или зоны.

В этой связи необходимо коснуться довольно часто встречающейся проблемы относительно уяснения места конкретного региона в макрорегиональной системе. Особенно это характерно для пограничных, «буферных» регионов, находящихся в зоне влияния соседних макрорегионов и неизбежно проецирующих их пространственные признаки на своей территории. Здесь обычна ситуация, когда любое предположение исследователя относительно принадлежности этой территории к тому или иному макрорегиону будет так или иначе подтверждено. Ошибка заключается в том, что в этом случае выделяется не регион как социотерриториальная целостность, а зона или ареал в составе макрорегиона. Вполне пригодное для решения определенных исследовательских задач, такое выделение существенным образом отличается от выделения региона как целого, которое должно носить исключительно комплексный характер. Таким образом, отнесение территории какого-либо региона к тому или иному макрорегиону, равно как и обоснование его обособленного положения как средостения и места взаимопроникновения признаков различных пространственных структур, не должно иметь характера категорических утверждений и будет зависеть от рассматриваемых аспектов, конкретных задач и целей исследования.

Что же касается демаркации границ, выявленных с помощью районирования или регионализации социотерриториальных образований, то, по нашему мнению, необходимо отказаться от утверждения о безусловной необходимости определения четких

территориальных пределов исследования. Констатация наличия объективно «нечетких», «размытых» границ как данности позволит избежать сложной (и, как можно заранее предполагать, с далеким от объективности результатом) работы по пространственному анализу, с одной стороны, и даст возможность показать диссипацию системных признаков на пограничной периферии рассматриваемого территориального сегмента (что как раз наглядно и покажет наличие его как целостности), с другой.

* * *

Подводя итог всему вышеизложенному, позволим себе предположить, что нахождение качественной определенности территориальной и структурной сторон региональных исторических исследований, значительно упрощающей и упорядочивающей их проведение, может быть представлено в виде двух формальных матриц — районной и региональной. Вместе с тем, конкретное воплощение этих формальных конструктов в региональных исследованиях еще связано с решением ряда проблем и нуждается в дальнейшей разработке.